

**Время праздника: об особенностях поведения
участников народных волнений
в российской провинции летом 1648 г.***

Д. А. Ляпин

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
399770, ул. Коммунаров, д. 28, Елец, Липецкая область
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Аннотация. Летом 1648 г. в Москве и нескольких городах русской провинции случились народные волнения. Участники мятежей выражали свой протест против попыток ограничения царской власти и стремились продемонстрировать свою поддержку находящемуся на троне Алексею Михайловичу. Они верили, что наступает новая эпоха правления сильного царя, независимого судьи для своих подданных. В центре внимания статьи – поведенческие особенности участников этих выступлений в празднично-повседневном контексте, в частности, автор полагает, что в волнениях проявились элементы карнавальской культуры. Д. А. Ляпин отмечает несколько признаков карнавального действия в поведении мятежников: начало волнений на ярмарке или рынке, пародийность, социальное «переворачивание», пиршество, насилие, ограниченность по времени. Вероятно, все эти праздничные элементы были связаны с ощущением времени перемен. Мятежники считали, что кончается пора правления коварных бояр и «приказных людей» и происходит укрепление справедливой самодержавной власти царя. Именно это настроение и выразилось в волнениях, которые сопровождались пьяными гуляниями, «социальным переворачиванием», драками и пирами. Мятежи имели ярко выраженные черты пародии и гротеска. Насилие и веселье были важными элементами русского бунта. Во всем этом можно видеть своеобразный отголосок «праздника преобразования», характерного для городской культуры европейского общества Средневековья и Нового времени. В заключении автор делает вывод, что карнавальский элемент народных волнений позволяет увидеть происходящие события глазами их участников, а также еще раз указывает на происходящие в России важные перемены.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8-39-20001 мол_а_вед.

Ключевые слова: народные волнения 1648 г., Россия, праздничная культура, повседневность, царская власть, бунт, абсолютизм

Copyright: © 2019 Ляпин, Д. А. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

The Time of Festival: On the Behavior of Participants in Popular Uprisings in the Russian Provinces in the Summer of 1648

D. A. Lyapin

Bunin Yelets State University
399770, Kommunarov st. 28, Yelets, Lipetsk region, Russia
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Abstract. In the summer of 1648 popular unrest unfolded in Moscow and a number of towns in the Russian provinces. The participants in these riots protested attempts to limit the power of the tsar and demonstrated their support for Tsar Aleksei Mikhailovich. They believed that his reign marked a new era, one with a strong monarch who served as an independent judge on behalf of his subjects. Lyapin examines the behavior of participants in the unrest within the entangled context of festivities and everyday life. He argues that elements of carnival culture were present in the unrest. In particular, he identifies the following features of carnival behavior: mockery, social "upturning," feasting, violence, its origins in the marketplace, and its limited duration in time. The unrest was likely connected with the widespread sense that important changes were taking place across the country. The rebels believed that the rule of the insidious *boiars* and *prikaz* officials was at a close, and the just power of the tsar was on the rise. It was this mood of change that was expressed in popular uprisings, which included drunken festivities, fights and feasts, and had features of parody and the grotesque. Further, the rebels did not accept the social hierarchy. Lyapin considers the Russian unrest as a potential repercussion of the "feast of transformation" that was characteristic of medieval and early modern Europe. He concludes that the festive culture shows the unrest through the eyes of its participants, while arguing that the revolts of 1648 were an indicator of important changes, namely the formation of strong autocratic power in Russia.

Keywords: popular unrest, 1648, Russia, festive culture, daily life, the tsar, royal power, rebellion, absolutism

Обострение социально-политической борьбы всегда связано с кризисными периодами и является важным показателем происходящих в обществе перемен. Во время социальных потрясений определяется вектор дальнейшего развития государства, проявляются настроения и ожидания различных социальных групп, а также широких слоев общества. В традиционном, доиндустриальном обществе в стихийных народных волнениях особенно ярко отражались особенности мировоззрения, ценностные ориентиры и политическая культура их участников. Это в полной мере характерно для России XVII столетия, получившего название «бунташного века» (Kivelson 1993). Одним из важнейших событий этого времени стали массовые народные волнения, случившиеся в Москве и городах провинции летом 1648 г. Эти так называемые «городские восстания» (по терминологии советских историков) были своеобразным показателем важных перемен, происходивших в России, а именно: усиления самодержавной власти царя Алексея Михайловича, которое продолжалось на всём протяжении его правления (1645–1676).

Причины, ход и результаты народных волнений были показаны нами в специальном исследовании (Ляпин 2018), и мы не будем подробно останавливаться на этих вопросах. Отметим только, что народные волнения являлись по своей сути протестными выступлениями против попыток старой аристократии ограничить власть монарха Алексея Михайловича. Выступления проходили в поддержку царя и были направлены против произвола бояр и «приказных людей», погрязших в коррупции и якобы лишивших власти молодого государя. Конечно, народные представления о политической ситуации в Кремле были далеки от реальности, но они отразили общее настроение масс, которые были целиком на стороне сильной самодержавной власти (Ляпин 2018, с. 193–212).

Цель данной статьи – проанализировать формы поведения участников народных волнений в провинции летом 1648 г. (по сути, это был стихийный всплеск недовольства против «мирских кровопийц») в аспекте карнавального действия, разгульного праздника.

В традиционном обществе, каким являлась по своей сути допетровская Россия, праздник был не просто временем отдыха, а имел особенный, сакральный смысл. Главная характеристика праздничного времени во многом была связана с его противопоставлением повседневности будней. Повседневность определяется устойчивостью и повторяемостью на протяжении длительного периода времени, а праздник – это событие, разрывающее повседневную практику и порождающее особое состояние человека. Характерная черта праздничного времени состоит в том, что события происходят «не так, как обычно». Одной из сторон праздника является ритуализированное, необычное потребление пищи и спиртных напитков (пир), а также непривычные для человека формы поведения.

Конечно, народные волнения 1648 г. были важной частью общей социально-политической борьбы, происходившей в это время в Российском государстве, и ни в коем случае не могут быть сведены только лишь к какому-то одному аспекту, в том числе и празднично-повседневному. Однако именно эта их значимость сама по себе определяет необходимость всестороннего изучения этого явления.

Поскольку в центре нашего внимания – поведенческие особенности участников народных волнений, в историографическом обзоре мы остановимся только на тех работах, которые связаны с этой проблематикой и хронологически затрагивают XVII столетие. Прежде всего следует отметить труд на эту тему О. Г. Усенко «Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков» – обстоятельное исследование различных аспектов социальной психологии мятежников (1994). Достаточно близка к данной теме работа К. Касьяновой, посвящённая русскому национальному характеру (1993). Любопытные рассуждения об особенностях русского бунта в допетровской Руси содержатся в книге А. М. Кантора (1999).

В 2003 г. вышла работа В. Я. Мауля о психологической природе народных движений в России (2003). Автором были выделены основные социально-психологические типы различных категорий повстанцев в России XVII–XVIII вв. Особое внимание учёный уделил исследованию архетипических форм народного монархизма и повстанческого насилия, которые показаны в исследовании как оригинальное культурно-историческое явление. В другой своей работе автор рассмотрел вопрос о ритуальном поведении москвичей во время бунта 1648 г. (Мауль 2017). Эта статья особенно интересна, поскольку автор сделал целый ряд ценных наблюдений, важных для нашей статьи. В. Я. Мауль совершенно справедливо заметил, что современному историку необходимо понять, как воспринимали события сами мятежники, а не только то, что они делали, и «только при таком исследовательском ракурсе есть шанс уловить скрытое от потомков глубинное содержание, заложенное ими в свои действия, и ту информацию, которую они хотели донести до современников» (Мауль 2017, с. 7).

Важное место в осмыслении народных волнений середины XVII в. занимают работы В. Кивельсон. По её мнению, в 1648 г. в русской истории произошло очень важное событие: традиционная политическая культура низов общества, основанная на практике прошлых лет, столкнулась с новой политической культурой правящих кругов, связанной с абсолютистскими тенденциями и бюрократизацией государственного управления. Эта новая культура выросла незаметно в правление Михаила Федоровича и «пряталась за фасадом внешней приверженности к старине». Исследовательница отметила, что «пожар 1648 г. произошел тогда, когда эффекты новшества не могли больше прятаться, и старые воззрения и новые условия общественного порядка столкнулись между собой» (Kivelson, 1993, p. 733).

Народные волнения в России в 1648–1650 гг. были в центре внимания английского историка М. Перри. В одной из своих статей она показала, что «восставшие» обвиняли городских воевод в измене государю и отказывались им подчиняться, считая, что поступают правильно, помогая тем самым царю бороться с «изменниками» (Перри, 2001). М. Перри обратила внимание на то, что понятие «измена» является особенно важным при анализе событий середины XVII в.: часто именно обвинения чиновников и бояр в измене служили оправданием для жестокого поведения мятежников.

Вызывают интерес и работы Н. Ш. Колманн, в которых затрагиваются особенности поведения различных слоев русского общества (2001). В работе о преступлении и наказании в России исследовательница справедливо отметила, что наказание участников мятежей и бунтов было вполне умеренным, и тем самым «право на применение насилия уравнивалось уважением к представлениям подданных о правосудии» (Колманн 2001, с. 458). Можно найти много любопытных наблюдений в обстоятельной статье М. По, посвященной русскому менталитету и особенностям взаимоотношений власти и общества в XVII в. на примере рассмотрения официального обращения к царю населения как «холопов» (Рое 1998), и в работах М. Ходорковского о специфике русского бунта и движения Степана Разина (Khodorkovsky 1994). Целое направление в изучении русских ритуалов, обычаев и традиций XVII в. нашло свое отражение в исследованиях таких специалистов, как Дж. Блум, П. Бушкович, Х. Дьюи (Blum 1961; Bushkovitch 1990; Dewey 1968).

Прежде, чем перейти к анализу особенностей поведения мятежников в контексте карнавального действия, рассмотрим в общих чертах ход произошедших событий.

2-3 июня 1648 г. в Москве начались самые крупные по своему масштабу (после Смутного времени) народные волнения. Они были вызваны комплексом причин, связанных как с противоречивыми и жесткими реформами правительства Б. И. Морозова, так и с социально-политической борьбой в верхах. Всё это способствовало формированию в народном сознании образа коварных бояр, стремящихся отстранить Алексея Михайловича от власти. В итоге в столице «мир» встал на защиту своего государя, народный гнев, в первую очередь, был направлен против Морозова и членов его «правительства»: люди считали, что именно они «отняли царство» у молодого монарха и тем самым покусились на священную царскую власть. После того, как волнения в Москве закончились, мятежи начались в провинции. Они охватили несколько крепостей на юге страны (особенно крупные волнения случились в Козлове, Воронеже и Курске) и два города на севере (Соль Вычегодская, Устюг) (Ляпин 2018, с. 110–111, 118).

Волнения в Козлове¹ начались 12 июня 1648 г., то есть уже через 9 дней после волнений в Москве. Собравшись на местном рынке, группа мятежников призвала не слушаться воеводу Р. Ф. Боборыкина и его сторонников. Испугавшись такого настроя, Боборыкин покинул крепость. Тогда бунтовщики, вооружившись дубинами и палками, кинулись избивать местных жителей, особенно тех, кто был лоялен к власти: «...многих людей били, и дворы и лавки грабили... да разоряли и всякий живот (имущество – Д. А.) и товары пограбили без остатку».² Некоторые козовцы пытались оказать сопротивление, но всех недовольных избивали и «метали в ров». Показательно, что награбленное имущество было решено сжечь на костре.³ Затем мятежники отправились в кабаки, и события стали принимать характер пьяного разгула и дебоша. Никто из мятежников не пытался скрыться или бежать, и на следующий же день волнения прекратились сами собой.

22 июня 1648 г. мятеж вспыхнул на севере страны – в Соли Вычегодской.⁴ Много лет местные жители не выплачивали в казну положенного размера податей, ссылаясь на бедность. Но в 1645 г. новое правительство Б. И. Морозова решительно потребовало отдать все «недоимки» сразу за несколько лет. Горожане сетовали на падение торговых оборотов и сокращение населения. В 1648 г. Морозов отправил в Соль Вычегодскую дьяка Федора Приклонского, чтобы расследовать причины «недоимок» и попытаться взыскать их в полном объеме.

15-20 июня в Соль Вычегодской начали распространяться слухи о том, что в Москве «бояр и приказных людей всех посекали», а глава правительства, ненавистный Морозов, спешно бежал в монастырь. Об этом в красочных подробностях рассказывали приезжие люди, а также местные крестьяне, ездившие в Москву по торговым делам и ставшие очевидцами событий. 22 июня горожане обсуждали на рынке случившееся в Москве и решили, что необходимо избить присланного в город чиновника и выгнать его прочь. С этого момента жители считали себя единственной законной властью в городе. Избавившись от Ф. Приклонского, они отправились грабить лавки торговцев и дома местных жителей. Параллельно с этим в городе начались гуляния, сопровождавшиеся драками и шумными попойками. Это веселье

¹ В настоящее время – Мичуринск.

² Челобитная города Козлова сына боярского В. Движкова, пушкарей В. Чеботаря, Карпика и Сеньки Милицыных, О. Бораборина и попа Якова о разграблении их во время волнений в Козлове в 1648 г. и выписка из очных ставок. В кн. *Городские восстания в Московском государстве XVII в.* М., 1936. С. 95–96.

³ Челобитная города Козлова сторожевых казаков С. Деева и Г. Тишенина о разграблении их во время восстания в Козлове и выписка из очных ставок. В кн.: *Городские восстания в Московском государстве XVII в.* М., 1936. С. 104.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 955. Л. 51–55.

продолжалось до утра 23 июня. Нет никаких сведений о том, чтобы участники этих событий пытались скрыться, последовавшее затем расследование легко установило вину каждого дебошира.

В Воронеже мятеж вспыхнул 25 июня 1648 г.⁵ Он случился после затяжного конфликта между местным воеводой В. Т. Грязным и дворянской элитой – П. Шишкиным и Б. Конинским. Они попытались избавиться от воеводы, отправив в Москву челобитчика – полкового казака Г. Кривушина – с жалобой якобы «от всего города». Кривушин оказался в Москве в разгар мятежа. Ничего не добившись, он вернулся в Воронеж, где начал призывать людей к выступлению против воеводы. Он утверждал, что у него есть «государев указ», по которому следует прогнать Грязного и даже «побить» его камнями. Между тем Воронеж наводнили слухи о событиях в столице. Говорили, что «приказных людей» побивают камнями по указу царя, дома их грабят, а Морозов, испугавшись народного гнева, бежал из Москвы. В таких условиях воевода покинул крепость, ссылаясь на служебные дела (Глазьев, 1995, с. 11).

25 июня, в воскресенье, во время праздничной ярмарки Кривушин с группой единомышленников подняли бунт, призывая людей не слушать воеводу и приказных людей. Мятеж быстро перерос в разбой и грабеж, сопровождавшиеся бурным гулянием, драками и пьянством. Воронежцы дрались и грабили рыночных торговцев, били палками тех, кто отказывался выполнять их «приказы», а затем на отнятые деньги устраивали пьяное веселье (Ляпин, 2018, с. 199–202). Показательно, что никто из «заводчиков» мятежа не получил впоследствии серьезного наказания.

5 июля 1648 г. мятеж вспыхнул в Курске. Недовольные тяготами службы местные стрельцы записались крестьянами в монастырь и отказались подчиняться своему непосредственному начальнику – стрелецкому голове К. Теглеву. Тот угрожал монастырю, незаконно принимавшему его подчиненных и тем самым снижавшему боеспособность крепости, что поедет в Москву с жалобой. Но игуменья и её люди поехали раньше него и оказались в Москве в начале июня, как раз в разгар происходящих здесь бурных событий. Вскоре весь Курск наполнился слухами о расправе с боярами и «приказными людьми» в столице. По научению монастырских властей крестьяне убили своего бывшего начальника Теглева, а затем кинулись грабить дворы курян, после чего устроили в местных кабаках бурный пир и веселье. Воевода не смог навести порядок, поскольку мятежники отказались его слушаться. Он запер было кабаки, но люди выбили в них двери и веселье продолжалось до самого утра. Позже крестьяне были схвачены, и некоторые из них, причастные к убийству, повешены (Ляпин, 2018, с. 199–202).

⁵ Ляпин, 2018, с. 114–117; Загоровский 1969, с. 244–277; Глазьев, 2007; Глазьев 2006.

В воскресенье 9 июля 1648 г. волнения произошли в Устюге (Коллманн 2001, с. 199–454). Накануне, в день святого Прокопия Устюжского, в городе собралась большая ярмарка, на которую съехались «многие окрестные и дальние люди». Ярмарка сопровождалась распитием спиртного, гуляниями и посещением гостей. В этот же день на ярмарке торговал москвич Федор Печацын, который рассказывал народу о том, что в Москве бояре больше не правят страной, их побили камнями, а дома разграбили. Молодой царь Алексей Михайлович наконец-то правит самостоятельно, тогда как до этого момента находился под опекой бояр и «приказных людей». ⁶ В городе начались волнения. Мятежники ходили по рынку и призывали людей к расправе над присланными из Москвы сборщиками податей и местными земскими судьями. Знавший грамоту церковный дьячок Игнат Яхлаков показывал народу «бумагу согнуту» (якобы государев указ), по которому царь не просто разрешал, а приказывал устюжанам ограбить 17 посадских дворов.

Мятежники забрались на колокольни местных храмов и принялись звонить в колокола. Это был сигнал к началу открытого выступления. В городе началась паника, многие подумали, что случился пожар. В это время на рынке мятежники объявили, что власть переходит к ним, поскольку воевода М. В. Милославский не защищает интересы «мира». Они избивали помощников воеводы, а затем – и рядовых граждан, торговавших на рынке. Все события сопровождалось пьяными застольями в кабаках, грабежами и драками. 10 июля мятежники добровольно сложили с себя властные функции, и волнения в городе прекратились. ⁷

Из описанных выше событий мы ясно видим, что везде мятежники пировали и веселились, что указывает на действия, являющиеся основополагающими атрибутами праздничного времени. Народные волнения носили очевидные черты карнавального действия. Уже то обстоятельство, что почти везде события начинались во время ярмарки или на рынке (кроме Курска), само по себе очень показательно. Ярмарка и рынок были обычно местом лицедейства, выступления шутов и скоморохов, а также кукольных балаганов, где во время праздников господствовали гротеск и пародийность (Топычканов, Шамин 2016).

Эта пародийная черта в поведении мятежников красной нитью проходит через весь ход событий. Грабя простой народ, а затем весело пируя за чужой счет, мятежники как бы пародировали поведение властей – коварных бояр, захвативших, по их мнению, власть в стране

⁶ Восстание в Устюге Великом. В кн. *Городские восстания в Московском государстве XVII в.* М., 1936. С. 160; РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 269.

⁷ Восстание в Устюге Великом. В кн. *Городские восстания в Московском государстве XVII в.* М., 1936. С. 160–188.

и отстранивших молодого царя. Подобного рода слухами были наполнены города, где произошли волнения.

М. М. Бахтин, рассматривая народную культуру в карнавальном контексте, отметил, что важная черта карнавального действия – не просто пародия на власть, а своеобразное социальное «переворачивание»: когда у власти оказывались низшие слои общества, бедняки и простые люди, социальная иерархия как бы переворачивалась с ног на голову. Важно и то, что карнавал был временем обновлений, перемен, становления нового, и в этой связи он полностью отменял существующую социальную иерархию (Бахтин 1990, с. 15). Именно поэтому мятежное население прекращало подчиняться воеводам, а в Устюге градоначальник и вовсе оказался избит. Люди отказывались слушаться не только воевод, но и всяких приказных людей, чиновников, начальников среднего звена. Мы видим, что приказания воеводы не исполнялись, а стрелецкие и казачьи головы не могли навести порядок, поскольку им никто не подчинялся. Напротив, мятежники объявляли себя властью и требовали исполнение их «приказов». В Козлове они создали даже свой орган управления – круг (Ляпин 2018, с. 129–130). Мятежники считали себя главной властью в крепости, а воевод предлагали побивать камнями (якобы по указу царя), то есть совершать с ними действия, применяемые обычно к самым низам общества.

Мятежная власть существовала довольно короткий срок, обычно сутки или чуть больше (Ляпин 2018, с. 106–139), а затем организаторы волнений добровольно отказывались от этой «карнавальной» власти, что неудивительно, ведь «праздничное время» не могло длиться долго, строгая временная ограниченность является одним из признаков праздника.

Пьяное гуляние и пир – обязательный атрибут всех мятежей: везде бунтовщики шли в кабаки и устраивали застолья, продолжавшиеся до утра. Они не пытались скрыться или спрятать награбленное, как раз напротив, их цель была в публичности действия, в масштабном разгульном пиршестве. М. М. Бахтин посвятил целую главу рассмотрению темы широкого народного пира в контексте карнавальной культуры (1990, с. 307). Учёный отметил, что в народно-праздничной пиршественной еде («пир на весь мир») проявилась тенденция к изобилию и всенародности, означающей также перемены и наступление нового времени, и в этой связи «пир – обязательный момент во всяком народно-праздничном веселье» (Бахтин 1990, с. 308; см. также Листова 1983, с. 161–162).

Пир был неизменно связан с работой, трудом, заботами и проблемами человека, являлся как бы их оборотной стороной. Размышляя о смысле бурных народных «пиршеств», Бахтин отмечал: «Эта встреча с миром в акте еды была радостной и ликующей. Здесь человек торжествовал над миром, он поглощал его, а не его поглощали;

граница между человеком и миром стиралась здесь в положительном для человека смысле» (1990, с. 310).

Теперь мы можем лучше понять, почему мятежники так стремились посетить кабаки, где устраивали разгульные пиры и веселье. Они и не думали что-то прятать или же спрятаться сами, но были всецело во власти празднества, карнавального действа, связанного с важными общественными переменами (См.: Bergé 1976; Чеканцева 2005; Харитонович 2005). Посещение кабака было обязательным элементом всех рассмотренных нами народных волнений. Этот праздничный пир вовсе не был вызван стремлением воспользоваться хаосом и хорошо провести время, в нём следует видеть церемониальное действо, составляющее главную часть праздника. Пир мятежников – это ритуал, связанный с торжеством справедливости, победой над тягостями мира и существующего общественного порядка, которому они были вынуждены подчиняться в структуре своего повседневного существования (Bergé 1976, p. 76–78).

Нет ничего удивительного в том, что народные волнения как проявление социально-политической борьбы, получили, помимо всего прочего, этот средневековый карнавальный аспект. Как мы уже говорили, карнавал был всегда связан с переменами, и в представлении людей эти перемены действительно происходили в их стране. Бахтин писал по этому поводу:

«Празднество всегда имеет существенное отношение к времени... При этом празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества, человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении» (1990, с. 14).

Следует также вспомнить, что каждый праздник русского традиционного аграрно-бытового календаря так или иначе был привязан к конкретному этапу изменений в природе и сельскохозяйственной деятельности. Праздник заканчивал один отрезок времени и начинал другой, это всегда было время важных перемен (Серов 1983, с. 53). В отличие от аграрного календарного празднования, праздник мятежников был связан не с природными, а с политическими переменами.

О каких переменах шла речь в 1648 г., понять несложно. Как мы уже писали, 2-3 июня в Москве власть захватили мятежники, которые потребовали от молодого Алексея Михайловича навести порядок в стране, покончить с властью бояр и царедворцев, «сильных людей» и «мирских кровопийц». Вся страна была охвачена слухами о грядущих переменах: влиятельный и ненавистный Морозов покинул столицу,

воевод и «приказных людей» побивали камнями якобы по указу царя. Подлинное воцарение справедливого православного монарха, принятие им самодержавной власти создавало атмосферу праздника, и эта народная праздничность со всеми присущими ей чертами (пародии, гротеска, «перевертывания», буйного пира и веселья) в полной мере проявилась в народных волнениях 1648 г.

Перемены, в которые искренне верили участники мятежей, действительно происходили и были направлены на усиление самодержавной системы в России. Власть бояр и «начальных людей», которые в глазах народа погрязли во взятках и корысти, заканчивалась и наступала новая эпоха – справедливого правления единого православного монарха (Blum 1961; Рое 1998). В элементах карнавального поведения, которые мы видим в поведении мятежников, отразилось средневековое представление о праздничном аспекте любых важных изменений.

Насилие и веселье как элементы русского бунта не являлись его оригинальными чертами, но были в большей степени характерны для стран Западной Европы XVII–XVIII в., особенно для Франции (Bersé 1976; Чеканцева 2005). Здесь они являлись одним из маркеров «праздника преобразования», характерного для городской культуры европейского общества Средневековья и Нового времени (Реутин 2005, с. 23, 25-27).

Таким образом, для народных волнений в русской провинции 1648 г. были характерны элементы некоего карнавального действа. Поведение мятежников свидетельствовало о происходящих в стране переменах и о том, сколь большое значение придавали им низы русского общества. Дальнейшая разработка данного поведенческого ракурса исследований социально-политической истории России представляется нам достаточно перспективной.

Библиография

- Бахтин, М. М. 1990. *Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. М.: Художественная литература.
- Глазьев, В. Н. 1995. Произошло ли восстание в Воронеже в 1649 г.? В кн. *Материалы международной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина*. Елец: ЕГПИ.
- Глазьев, В. Н. 2007. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках, Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края.
- Глазьев, В. Н. 2006. Отголоски «соляного бунта» 1648 г. в Воронеже. *Вестник Воронежского государственного технического университета* 2 (2): с. 11–14.
- Загоровский, В. П. 1969. *Белгородская черта*. Воронеж: Изд-во ВГУ.

- Кантор, А. М. 1999. *Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII века: очерки*. М.: РГГУ.
- Касьянова, К. 1993. *Особенности русского национального характера*. М.: Институт национальной модели экономики.
- Коллманн, Н. Ш. 2001. *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени* / пер. с англ. А. Б. Каменский; науч. ред. Б. Н. Флоря. М.: Древлехранилище.
- Листова, Н. М. 1983. Пища в обрядах и обычаях. В кн. *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев*. М.: Наука.
- Ляпин, Д. А. 2018. *Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в.* СПб.: Дмитрий Буланин.
- Мауль, В. Я. 2003. *Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVI-XVII веков*. Томск: Изд-во ТГУ.
- Мауль, В. Я. 2017. Избиение «изменников» и очищение от «дьявола»: Восстание москвичей в 1648 г. *Новый исторический вестник* 4 (54): с. 6–27.
- Перри, М. 2001. В чем состояла «измена» жертв народных восстаний XVII в.? В кн. *Россия XV–XVIII столетий*. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Реутин, С.Ю. 2005. Несколько соображений по поводу карнавального «хронотопа». *Одиссей: Человек в истории*.
- Серов, С. Я. 1983. Календарный праздник и его место в европейской народной культуре. В кн. *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев*. М.: Наука.
- Топычканов А. В., С. М. Шамин 2016. Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действия, выступления скоморохов и артистов, театр. *Российская история* 6: с. 97–111.
- Харитонович, Д. Э. 2005. Веселие и насилие. *Одиссей: Человек в истории*.
- Чеканцева, З. А. 2005. Праздник и бунт во Франции. Между Фрондой и революцией. *Одиссей: Человек в истории*.
- Bercé, Y.-M. 1976. *Fête et Révolt. Des mentalités populaires du XVI au XVIII-e siècle. Essai*. Paris: Ozouf.
- Blum, J. 1961. *Lord and Peasant in Russia*. New Jersey: Princeton University Press.
- Bushkovitch, P. 1990. The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. *Russian Review* 49: 1–18.
- Dewey, H. 1968. Old Muscovite Concepts of Injured Honor (Beschestie). *Slavic Review*. 27: 585–601.
- Khodorkovsky, M. 1994. The Stepan Razin Uprising: Was It a “Peasant War”? *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 42 (1): 1–19.
- Kivelson, A. V. 1993. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising. *The American Historical Review*. 98 (3): 731–744.
- Poe, M. 1998. *What Did Russians Mean When They Called Themselves “Slaves of the Tsar”?* *Slavic Review* 57 (3): 585–606.

References

- Bakhtin, M. M. 1990. *Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Rennansa [François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Bercé, Y.-M. 1976. *Fête et Révolt. Des mentalités populaires du XVI au XVIII-e siècle*. Essai. Paris: Ozouf.
- Blum, J. 1961. *Lord and Peasant in Russia*. New Jersey: Princeton University Press.
- Bushkovitch, R. 1990. "The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries." *Russian Review* 49: 1–18.
- Chekantseva, Z. A. 2005. "Prazdnik i bunt vo Frantsii. Mezhdru Frondoi i revoliutsiei [Holiday and Rebellion in France. Between the Fronde and the Revolution]." *Odissey: Chelovek v istorii*. (In Russian)
- Dewey, H. 1968. "Old Muscovite Concepts of Injured Honor (Beschestie)." *Slavic Review* 27: 585–601.
- Glaz'ev, V. N. 1995. "Proizoshlo li vosstanie v Voronezhe v 1649 g.? [Did the Uprising Happen in Voronezh in 1649?]." In *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 600-letiiu spaseniia Rusi ot Tamerlana i 125-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Bunina [Materials of the Conference on the 600th Anniversary of the Savior of Rus' from Tamerlane and of the 125th Anniversary of Birth of I. A. Bunin]*. Elets: EGPI. (In Russian)
- Glaz'ev, V. N. 2006. "Otgosolki «solyanogo bunta» 1648 g. v Voronezhe [Echoes of the "Salt Rebellion" of 1648 in Voronezh]." *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* 2 (2): 11–14. (In Russian)
- Glaz'ev, V. N. 2007. *Voronezhskie voevody i ikh okruzhenie v XVI-XVII vekakh [The Voronezh Governors and Their Surroundings in the 16th through 17th Centuries]*. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia. (In Russian)
- Kantor, A. M. 1999. *Dukhovnyi mir russkogo gorozhanina. Vtoraia polovina XVII veka: ocherki [The Spiritual World of Russian Townspeople. The Second Half of the XVII Century: Essays]*. Moscow: RGGU. (In Russian)
- Kas'ianova, K. 1993. *Osobennosti russkogo natsional'nogo kharaktera [Features of the Russian National Character]*. Moscow: Institut natsional'noi modeli ekonomiki. (In Russian)
- Kharitonovich, D. E. 2005. "Veseliie i nasilie [Fun and Violence]." *Odissey: Chelovek v istorii*. (In Russian)
- Khodorkovsky, M. 1994. The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 42 (1): 1–19.
- Kivelson, A. V. 1993. "The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising." *The American Historical Review* 98 (3): 731–744.
- Kollmann, N. Sh. 2001. *Soedinennye chest'iu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni [Join in the Honor. State and Society in Early Modern Russia]*, translated from English by A. B. Kamenskii; ed. by B. N. Floria. Moscow: Drevlekhranilishche. (In Russian)
- Listova, N. M. 1983. "Pishcha v obriadakh i obychaiakh [Food in Rites and Customs]." In *Kalendarnye obychai i obriady v stranakh zarubezhnoi Evropy*.

Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Calendar Rites and Customs in the Countries of Foreign Europe. Historical Origins and Development of the Rites]. Moscow: Nauka. (In Russian)

- Lyapin, D. A. 2018. *Tsarskii mech: sotsial'no-politicheskaia bor'ba v Rossii v seredine XVII v. [Tsar's Sword: The Socio-political Struggle in Russia in the Mid-seventeenth Century]*. Sankt-Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian)
- Maul', V. Ia. 2003. *Kharizma i bunt: psikhologicheskaja priroda narodnykh dvizhenii v Rossii XVI-XVII vekov [Charisma and Riot: The Psychological Nature of Popular Movements in Russia in the 16th through 17th Centuries]*. Tomsk: Izd-vo TGU. (In Russian)
- Maul', V. Ia. 2017. "Izbitie «izmennikov» i ochishchenie ot «d'iavola»: Vosstanie moskvichei v 1648 g. [Beating up 'Traitors' and Cleansing from 'Devil': the Muscovites Revolt in 1648]." *Novyi istoricheskii vestnik* 4 (54): 6–27. (In Russian)
- Perrie, M. 2001. "V chem sostoiala «izmena» zhertv narodnykh vosstaniy XVII v.? [What Was the 'Betrayal' of the Victims of the Seventeenth-century Popular Uprisings?]." In *Rossia XV-XVIII stoletii [Russia in the Fifteenth through Seventeenth Centuries]*. Volgograd: Izd-vo VolGU. (In Russian)
- Poe, M. 1998. "What Did Russians Mean When They Called Themselves 'Slaves of the Tsar'?" *Slavic Review* 57 (3): 585–606.
- Reutin, S. Iu. 2005. "Neskol'ko soobrazhenii po povodu karnaval'nogo «khronotopa» [A Few Thoughts on the Carnival 'Chronotope']." *Odissey: Chelovek v istorii*. (In Russian)
- Serov, S. Ia. 1983. "Kalendarnyi prazdnik i ego mesto v evropeiskoi narodnoi kul'ture [Calendar Holiday and its Place in the European Folk Culture]." In *Kalendarnye obychai i obriady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Calendar Rites and Customs in the Countries of Foreign Europe. Historical Origins and Development of the Rites]*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Topychkanov A. V., S. M. Shamin. 2016. "Performativnaia kul'tura rossiiskogo dvora XVII v.: liturgicheskie deistva, vystupleniia skomorokhov i artistov, teatr [Performing Culture of the Russian Court of the 17th Century: Liturgical Performances, Performances of Buffoons and Artists, Theater]." *Rossiiskaia istoriia* 6: 97–111. (In Russian)
- Zagorovskii, V. P. 1969. *Belgorodskaja cherta [The Belgorod Line]*. Voronezh: Izd-vo VGU. (In Russian)

Об авторе

Денис Александрович Ляпин – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

This article was:
received on June 17, 2019
accepted for publication on July 14, 2019
published online on August 15, 2019